

24/сен.39г

Первый армянский чтец

...Когда стрелка часов Коммунистической аудитории Московского государственного университета подходила к половине десятого, на эстраде появился молодой человек среднего роста, с красивой головой и беспокойными руками. Он основательно уселся в мягком кресле и задумался. Стало тихо-тихо. Было слышно, как в задних рядах амфитеатра кто-то перелистывал программку. Человек в кресле решительным жестом снял очки и начал. Торжественно и стройно зазвучали под сводами аудитории замечательные, немного неожиданные слова.

Великих праотцев наших —
сорок раз помянем добром.
Санасара и брата его Багдасара —
помянем добром.
Мгера Старшего мы —
сорок раз помянем добром.
Мы тысячу раз помянем добром —
великий Сасунский дом.
Искусных рассказчиков наших —
помянем добром.
Всем слушающим — долгая жизнь,
отцам их — вечный покой.

Это участник декады армянского искусства в Москве, заслуженный деятель искусств, мастер художественного слова Сурен Кочарян читал «Давида Сасунского».

Сурен Кочарян — уроженец Тбилиси и воспитанник Москвы. В столице Советского Союза, в студии при Доме культуры Армении Сурен Кочарян получил высшее театральное образование. Его учителями были Шуккин, Симонов, Васов. Театр встретил Кочаряна с распристерными объятиями. В Ереванском государственном академическом театре Кочарян с успехом сыграл около сорока самых разнообразных ролей, среди которых были такие, как Какули («Пепел»), Вышневецкий («Доходное место»), Васья Пепел («На дне»), Фурманов («Мятеж») и др.

Но Кочарян променял театр на эстраду. Он стал первым в Ереване чтецом, выступающим в самостоятельных литературных концертах, что в то время было для Армении совершенно новым явлением художественной жизни.

14-летний творческий путь мастера художественного слова Сурена Кочаряна отмечен рядом серьезных успехов — я имею в виду исполнение им с эстрады произведений Пушкина, Лермонтова, Фирдоуси, Руставели, Боккаччо, Туманяна, Исаакяна, Тьерьяна и др.

Большую культурную ценность представляет новая работа Кочаряна над поэмой армянского народа «Давид Сасунский». В этой работе артист является не только исполнителем, но и автором литературного монтажа.

Идейное и художественное богатство «Давида Сасунского» достаточно полно сохранилось в литературной композиции Кочаряна, хотя в нее и вошла лишь тысяча стихов из двенадцати тысяч, имеющих в поэме (перевод бригады поэтов в составе В. Державина, А. Кочеткова, К. Липскеров и С. Шервинского, под редакцией академика И. А. Орбели).

Пламенная поэзия армянского эпоса нашла в лице Кочаряна достойного исполнителя. Образ Давида, народного героя, защитника слабых и угнетенных, самоотверженно, бескорыстно борющегося за независимость и счастье своей отчизны, доходит до слушателя во всей своей мощи и красоте.

Много чувства и тепла вкладывает Сурен Кочарян в сцену прощания Давида с родным городом:

И встал Давид, прынул на коня,
Горожанам отдал поклон, поселанам
Мужчинам и женщинам отдал поклон,
— Братья и сестры! Не бойтесь врагов!
Народ меня шлет с Меликом на бой!
Сестры, вам — добро оставаться!
Вы все сестрами были мне, помните
имя мое!

Заслуженный деятель искусств мастер художественного слова Сурен Кочарян читает свою литературную композицию эпоса «Давид Сасунский»

■ ■ ■

Особенно удаются также Кочаряну строфы, относящиеся к встрече Давида с волшебным конем Джалали:

Вот подошел Давид,
Коня за гриву он взял,
Протер глаза коню,
Погладил, обласкал.
Обнюхал конь его, заплакал конь.

У Кочаряна подвижное лицо, превосходный голос и большие выразительные глаза, в которых радостным огнем горят победы Давида.

Но вот жест у Кочаряна несколько «многогоречив» и мало выразителен. Как всякий человек, лишенный возможности передвигаться, Кочарян жестикулирует, «играет руками», больше, чем надо. Оно и понятно — каково артисту с большим темпераментом, познавшему радость сценического перевоплощения, сидеть целыми вечерами в кресле... Замечания эти, однако, не относятся к финалу поэмы, где жест чтеца становится более скупым и четким.

Заключительные строки эпилога «Давида Сасунского», в течение десяти веков передававшиеся из поколения в поколение, из уст в уста, пророчески переключаются с нашей эпохой, Кочарян читает с большой искренностью и силой:

Но, верю, отец завещал:
Настанет и нашим страданьям конец.
Тогда придет и мой день —
отсюда я выйду тогда,
Когда разрушится мир
И воздвигнется вновь.

Последний из славных сасунских богатырей — Мгер Младший, сын Давида, которому принадлежат эти вехи века, оставил теперь темную пещеру, где он отсиживался в ожидании лучших времен; перед ним залитые солнцем поля свободной и счастливой Армении. День Мгера Младшего пришел вместе с героической сталинской эпохой.

Внимание, уделяемое декаде армянского искусства, главным образом оперным и балетным спектаклям, должно быть перенесено и на вечера художественного чтения Сурена Кочаряна.

Право, они этого заслуживают.

ВИКТОР ЭРМАНС

Мои сестры, матери, братья мои!
Прощайте, — идите сражаться за вас!